Правило «разумного подхода» в антимонопольном законодательстве России: теория, практика и перспективы применения

Гольцов Дмитрий Александрович
студент Дальневосточного Федерального Университета

Белобородов Максим Владимирович
к.э.н., доцент частно-правовых наук, заведующий Базовой кафедрой конкурентного и предпринимательского права Юридической школы ДВФУ

В статье исследуется содержание и практика применения правила «разумного подхода» (rule of reason) в рамках российского антимонопольного законодательства. На основе анализа статьи 13 Федерального закона «О защите конкуренции», правовых позиций высших судов и практики ФАС России раскрываются условия, при которых действия, формально подпадающие под запрет злоупотребления доминирующим положением, могут быть признаны допустимыми. Особое внимание уделяется таким критериям, как стимулирование технико-экономического прогресса, повышение конкурентоспособности и соразмерность выгод для потребителей. В статье выявляются проблемы правоприменения данного правила и предлагаются направления для его совершенствования в условиях цифровой экономики и развития высокотехнологичных рынков.
Ключевые слова: антимонопольное законодательство, злоупотребление доминирующим положением, правило разумного подхода, статья 13 Закона о защите конкуренции, допустимые ограничения конкуренции, ФАС России.

Антимонопольное регулирование в рыночной экономике призвано поддерживать баланс между недопущением недобросовестных практик, подавляющих конкуренцию, и сохранением стимулов для инноваций, инвестиций и эффективного ведения бизнеса. Жёсткий “per se” подход, при котором определённые действия автоматически признаются нарушением, может подавить экономически оправданное и полезное для общества поведение компаний, особенно тех, что обладают значительной рыночной долей. В этой связи в мировой и российской практике получил развитие «разумный подход» (rule of reason)**, предполагающий всесторонний экономический и правовой анализ обстоятельств дела для оценки, перевешивают ли проантиконкурентные эффекты конкретных действий их потенциальные положительные последствия.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей сложностью рыночных отношений, особенно в высокотехнологичных и цифровых отраслях, где традиционные критерии доминирования и оценки нарушений могут оказаться неадекватными. Внедрение принципа разумности позволяет антимонопольным органам и судам гибко реагировать на вызовы времени, не препятствуя прогрессу.

Цель статьи – комплексный анализ правовой конструкции и практики применения правила разумного подхода в российском антимонопольном законодательстве на основе ст. 13 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о конкуренции).

Концепция «разумного подхода» берёт своё начало в антимонопольном праве США, где Верховный суд в деле “Standard Oil Co. of New Jersey v. United States* (1911)” постановил, что только «неразумные» ограничения торговли должны запрещаться по Акту Шермана. Этот подход предполагает взвешивание «за» и «против» оспариваемой практики: её потенциального вреда для конкуренции и возможных про-конкурентных благ (эффективность, инновации, выгоды для потребителей).

В европейском конкурентном праве (ст. 101.3 Договора о функционировании ЕС) также закреплена возможность исключения из запрета картельных соглашений, если они способствуют улучшению производства или сбыта товаров, техническому или экономическому прогрессу, при условии, что потребители получают справедливую долю получаемой выгоды, не налагаются необязательные для достижения этих целей ограничения и не устраняется конкуренция на существенной части рынка.

Российский законодатель, следуя общемировым тенденциям, внедрил схожие принципы в статью 13 Закона о конкуренции - допустимость действий (бездействия), осуществляемых хозяйствующим субъектом. Данная норма является ключевым инструментом реализации разумного подхода в отношении злоупотребления доминирующим положением (ст. 10 Закона). Она выступает как правовая защита для доминирующего субъекта, чьи действия, формально подпадающие под один из запретов, могут быть оправданы их положительным экономическим эффектом.

Важно отметить, что в российской доктрине и практике данный механизм нередко именуется «правилом целесообразности» или «концепцией допустимых ограничений», подчёркивая его разрешительный, а не запретительный характер при соблюдении строгих критериев.

Статья 13 Закона устанавливает исчерпывающий перечень действий из ст. 10, которые в принципе могут быть

признаны допустимыми, а также жёсткие условия такого признания.

Согласно ч. 1 ст. 13, проверке на соответствие правилу разумного подхода подлежат:

1) экономически или технологически не обоснованные сокращение или прекращение производства товара (п. 4 ч. 1 ст. 10);

2) создание дискриминационных условий (п. 8 ч. 1 ст. 10);

3) создание препятствий доступу на товарный рынок или выходу из товарного рынка другим хозяйствующим субъектам (п. 9 ч. 1 ст. 10);

4) манипулирование ценами на оптовом и (или) розничных рынках электрической энергии (мощности) (п. 11 ч. 1 ст. 10).

Тот факт, что перечень закрытый, указывает на осторожность законодателя. Наиболее жёсткие нарушения, такие как установление монопольно высокой/низкой цены (п. 1) или навязывание невыгодных условий договора (п. 2), не могут быть оправданы через ст. 13, что подчёркивает их особую общественную опасность.

Для того чтобы действие получило позитивную оценку, оно должно соответствовать двум запретительным и одному разрешительному критерию, которые находятся в причинно-следственной связи с его результатом.

Во-первых, действия не должны создавать возможности для отдельных лиц устранить конкуренцию на соответствующем товарном рынке. Во-вторых, в ходе этих действий недопустимо налагать ограничения на их участников или третьих лиц, если эти ограничения не соответствуют достижению заявленных целей.

При этом действия обязаны приводить или иметь реальную возможность привести к полезному результату. Таким результатом может быть либо совершенствование производства или реализации товаров, стимулирование технического и экономического прогресса, а также повышение конкурентоспособности российских товаров на мировом рынке. Альтернативным полезным результатом является получение покупателями соразмерных преимуществ, то есть выгод, сопоставимых с теми, которые приобретают сами хозяйствующие субъекты в результате своих действий.

Критически важным является требование соразмерности выгод. Потребительский эффект не должен быть иллюзорным или минимальным; он должен быть сопоставим с той экономической выгодой, которую извлекает из своих действий доминирующая компания.

Отдельным проявлением разумного подхода является положение ч. 2 ст. 6 Закона о конкуренции, согласно которому цена на товар – результат инновационной деятельности(создание нового товара или значительное улучшение существующего), – не может быть признана монопольно высокой, если соблюдены общие условия ч. 1 ст. 13. Это прямое стимулирование НИОКР и внедрения новых технологий, позволяющее компаниям окупать высокие затраты на исследования.

Практика применения ст. 13 остается достаточно сдержанной, что объясняется высокой планкой доказывания, возложенной на хозяйствующий субъект. В своем разъяснении №5 ФАС РФ указывал на Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30, в котором подчеркивается, что при оценке действий как злоупотребления необходимо определять, были ли они совершены в допустимых пределах осуществления гражданских прав или же налагают неразумные ограничения. Суд указал, что доминирующий субъект вправе совершать обычные хозяйственные действия, соответствующие обычаям делового оборота и не направленные на ограничение конкуренции.

В судебно-административной практике можно выделить несколько характерных сценариев применения статьи 13. В делах, связанных с инновационной деятельностью и «инновационной оговоркой» (ч. 2 ст. 6), суды придерживаются строгого подхода. Ярким примером является дело ООО «Варандейский терминал». Компания пыталась оправдать монопольно высокую цену на услугу перевалки нефти ссылкой на инновационность, обусловленную использованием уникальной запатентованной инфраструктуры. Однако суд и ФАС России отклонили этот довод, указав, что инновационным было лишь создание инфраструктуры в 2003-2008 гг., а сама услуга по перевалке с 2008 года оставалась неизменной и не являлась новым товаром. Кроме того, действия компании не соответствовали критериям ч. 1 ст. 13, так как были направлены на извлечение сверхприбыли и привели к ущемлению интересов потребителя без предоставления ему соразмерных выгод. Данный случай наглядно демонстрирует, что для успешной ссылки на инновационность необходимо доказать не только новизну самого товара или услуги на момент оспариваемых действий, но и соответствие всех действий хозяйствующего субъекта общественно полезным целям.

В ином ключе статья 13 применяется в делах, связанных с оценкой разумности и обоснованности действий доминирующего субъекта. Здесь она выступает не как самостоятельное основание для оправдания, а как правовой стандарт для оценки допустимости поведения. Так, в деле по жалобе ООО «Морагент» на ООО «НТК» суд, используя логику ст. 13 как «фильтр», проанализировал предъявляемые к контрагенту требования (залоговый депозит, подтверждение опыта). Он пришел к выводу, что эти условия являются разумными и обоснованными, поскольку продиктованы законными деловыми интересами (обеспечение безопасности, финансовая устойчивость), соответствуют международным стандартам и принципу недискриминации. Поскольку действия не налагали неразумных ограничений, в злоупотреблении доминирующим положением было отказано.

Наиболее распространенной в практике является ситуация, когда статья 13 используется в сфере естественных монополий как критерий противоправности, то есть как инструмент квалификации нарушения, а не как «щит» для ответчика. Например, в деле АО «Прионежская сетевая компания» и в деле ООО «ЭкоЦентр» суды, ссылаясь на положения ч. 1 ст. 13, обосновали, что установление завышенной платы за технологическое присоединение и систематический невывоз мусора соответственно представляют собой недопустимое наложение неразумных ограничений на контрагентов, ущемление их интересов и не соответствуют критериям допустимых действий, таким как наличие общественно полезной цели или соразмерных выгод потребителю.

Анализ сложившейся практики позволяет выделить типичные причины отказа в применении исключений, предусмотренных статьей 13. Во-первых, это отсутствие инновационности или общественно полезной цели. Как показало дело «Варандейского терминала», суды проводят строгое разграничение между инновационностью технологии и стандартной услугой, оказываемой с её помощью. Действия, преследующие исключительно цель извлечения сверхприбыли за счет монопольного положения, не признаются соответствующими целям технического или экономического прогресса.

Во-вторых, ключевым негативным фактором является ущемление интересов потребителей без соразмерной компенсации. Критерий баланса интересов играет решающую роль. Если действия доминирующего субъекта при-

чиняют явный ущерб контрагенту, а преимущества остаются исключительно у самого субъекта, суды отказывают в применении исключений по ст. 13.

В-третьих, применение статьи 13 блокируется наличием антиконкурентной направленности действий. Если основным следствием является ограничение конкуренции или создание барьеров для выхода на рынок, даже при наличии некоторых технических обоснований, такие действия не будут признаны допустимыми. В отличие от дела «НТК», где требования были объективно обоснованы спецификой деятельности, в большинстве случаев суды усматривают в подобных действиях злоупотребление рыночной властью.

Наконец, несоблюдение императивных норм также исключает возможность ссылки на статью 13. В делах, подобных спору с АО «НГЭС», где действия строго соответствовали предписанным отраслевым правилам, вопрос о ст. 13 даже не возникает для детального рассмотрения, так как отсутствует сам состав нарушения. Однако если действия, как в деле «Прионежской сетевой компании», нарушают установленные тарифы или правила, ссылка на внутренние обстоятельства или гипотетические выгоды не принимается во внимание.

Два ключевых превентивных инструмента, по сути, представляют собой предварительную форму реализации разумного подхода. Первый — это утверждаемые Правительством РФ правила недискриминационного доступа для субъектов естественных монополий и доминирующих хозяйствующих субъектов с долей рынка свыше 70 процентов в случаях, когда уже выявлено нарушение. Следование таким утверждённым правилам автоматически делает действия компании допустимыми, создавая формализованную «безопасную гавань».

Другим важным инструментом являются правила торговой практики, которые компания разрабатывает и утверждает добровольно, после чего согласовывает с Федеральной антимонопольной службой. Это уникальный российский механизм, позволяющий бизнесу заранее определить «правила игры» и минимизировать правовые риски. Согласуя такие правила, ФАС по сути даёт им предварительную оценку на предмет разумности и соответствия закону.

Оба эти механизма снижают нагрузку на последующее применение статьи 13 закона, обеспечивая бизнесу большую предсказуемость и правовую определённость.

Внедрение правила разумного подхода сталкивается с рядом проблем. Ключевой сложностью является бремя доказывания, которое полностью лежит на хозяйствующем субъекте. Это делает применение данной нормы крайне сложным, особенно в условиях противостояния с антимонопольным органом, обладающим административным ресурсом.

Другой проблемой выступает недостаточная детализация законодательных критериев. Законодательство не раскрывает конкретного содержания таких понятий, как «соразмерность выгод» или «технический прогресс». Это оставляет широкий простор для субъективного толкования как со стороны бизнеса, так и со стороны регулятора, снижая предсказуемость правоприменения.

Кроме того, сфера действия правила ограничена перечнем допустимых действий. Это означает, что не все потенциально полезные для рынка или потребителей практики, содержащие элементы ограничений, могут быть проанализированы через его призму. Например, ценовые стратегии зачастую остаются за рамками такого анализа.

Наконец, в правоприменительной практике пока слабо интегрирован современный экономический анализ. Зачастую не в полной мере используются количественные методы для глубокой оценки реальных последствий тех или иных действий для состояния конкуренции и благосостояния потребителей.

Перспективы развития правила разумного подхода связаны с рядом возможных мер. Для повышения правовой определенности целесообразна разработка Федеральной антимонопольной службой подробных методических рекомендаций по применению соответствующей статьи закона. Эти рекомендации могли бы содержать разбор как положительных, так и отрицательных примеров из практики, что позволило бы бизнесу лучше понимать позицию регулятора.

Важным направлением является и расширение законодательного перечня действий, подпадающих под анализ по правилу разумности. В частности, рассмотрение вопроса о включении в этот перечень некоторых видов вертикальных ограничений могло бы сделать регулирование более гибким и соответствующим современным бизнес-реалиям. Особое значение в эпоху цифровой трансформации приобретает активное внедрение «инновационной оговорки», которая позволила бы более взвешенно подходить к оценке практик на динамичных высокотехнологичных рынках.

Параллельно необходимо поощрять использование превентивных инструментов, таких как добровольные правила торговой практики. Их развитие и применение становятся основным каналом для конструктивного предварительного диалога между бизнесом и регулятором, помогая снижать риски. Кроме того, для обеспечения объективности при рассмотрении сложных дел крайне важно усилить роль судебно-экономической экспертизы, которая могла бы давать независимую оценку реальных экономических эффектов от оспариваемых действий.

Правило «разумного подхода», закреплённое в статье 13 Закона о защите конкуренции, является важным инструментом гибкого антимонопольного регулирования. Его цель заключается в том, чтобы не препятствовать экономически эффективному и инновационному поведению даже со стороны доминирующих компаний. Этот институт отражает современное понимание того, что не всякое действие крупного рыночного игрока, которое влияет на конкурентов, следует автоматически квалифицировать как злоупотребление.

Тем не менее, на сегодняшний день применение данного правила в России остаётся ограниченным. Основные причины этого — строгие и недостаточно конкретизированные законодательные критерии, чрезвычайная сложность доказывания для бизнеса, а также зачастую осторожная и сдержанная позиция правоприменителя. Дальнейшее развитие этого института видится необходимым условием для формирования благоприятной конкурентной среды, особенно в высокотехнологичных отраслях.

Ключевыми векторами такого развития должны стать активное использование превентивных механизмов, таких как правила торговой практики, и дальнейшая детализация подходов ФАС через методические рекомендации. Это позволит поддерживать баланс между эффективным контролем за рыночной властью и стимулированием инвестиций, инноваций и экономического роста.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

2. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства».

3. Разъяснения Президиума ФАС России от 07.06.2017 N 8 «О применении положений статьи 10 Закона о защите конкуренции».

4. Тотьев К.Ю. Конкурентное право: Учебник. – М.: Норма, 2020.

5. Competition Law and Policy: Cases, Materials, and Commentary / Ed. by P. Freeman, R. Whish. – Oxford University Press, 2021.

6. Материалы практики ФАС России (решения по делам № А40-91027/19-121-805, № А12-25120/2024, № А56-20954/2021).

7. Д. А. Алешин, И. Ю. Артемьев, Е. Ю. Борзило и др. Конкурентное право России // - 2019.

8. М.А. Егорова, А.Ю. Кинев Конкурентное право //- 2018

The «Rule of Reason» in Russian Antitrust Law: Theory, Practice, and Prospects for Application

Goltsov D.A., Beloborodov M.V.

Far Eastern Federal University

The article examines the content and practice of applying the "rule of reason" within the framework of Russian antitrust law. Based on an analysis of Article 13 of the Federal Law "On Protection of Competition," the legal positions of higher courts, and the practices of the Federal Antimonopoly Service of Russia, the conditions under which actions formally falling under the prohibition of abuse of a dominant position may be considered permissible are revealed. Particular attention is paid to criteria such as the promotion of technological and economic progress, increased competitiveness, and the proportionality of benefits for consumers. The article identifies issues in the application of this rule and suggests ways to improve it in the context of the digital economy and the development of high-tech markets.

Keywords: antimonopoly legislation, abuse of a dominant position, rule of a reasonable approach, Article 13 of the Law on Protection of Competition, permissible restrictions on competition, FAS Russia.

References

1. Federal Law of July 26, 2006, No. 135-FZ "On the Protection of Competition."
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of June 30, 2008, No. 30 "On Certain Issues Arising in Connection with the Application of Antimonopoly Legislation by Arbitration Courts."
3. Clarifications of the Presidium of the FAS Russia of June 7, 2017, No. 8 "On the Application of the Provisions of Article 10 of the Law on the Protection of Competition."
4. Totyev, K. Yu. Competition Law: Textbook. Moscow: Norma, 2020.
5. Competition Law and Policy: Cases, Materials, and Commentary / Ed. by P. Freeman, R. Whish. – Oxford University Press, 2021.
6. Materials of the practice of the FAS Russia (decisions in cases No. A40-91027/19-121-805, No. A12-25120/2024, No. A56-20954/2021).
7. D. A. Aleshin, I. Yu. Artemyev, E. Yu. Borzilo, et al. Competition Law of Russia // - 2019.
8. M. A. Egorova, A. Yu. Kinev Competition Law // - 2018